
Н.Ю.Кудеярова

Человек в процессе миграции: социально- психологические проблемы

В статье исследуются проблемы мотивации и социальной адаптации мигрантов. Анализ биографий европейских иммигрантов в Аргентине дал возможность рассмотреть механизмы влияния социальных связей, культурных различий, языкового барьера на поиск модели адаптации мигрантов и решения проблемы самоидентификации.

Ключевые слова: мотивация миграции, адаптация, национальная идентичность, социальные связи.

Современное население Латинской Америки невозможно представить без влияния миграции, приведшей к становлению оригинальной культуры, традиций, этнического облика и многих других аспектов социальной жизни стран континента. В целом это характерно для всего Западного полушария, где миграции стали важной составляющей механизма, заложившего основы культурного, экономического и политического развития.

Миграционные тенденции и ныне не утрачивают силу и потенциал. Но если ранее они воспринимались скорее как дополнительный резерв развития, то сейчас последствия их влияния выглядят более многогранно. В латиноамериканском регионе в миграционных процессах участвуют сотни тысяч людей, и эта форма активности проецируется на внутреннюю и внешнюю политику, влияет на демографические показатели и экономическую ситуацию. Проблема массовых миграций в настоящее время выходит на первый план не только в фокусе научных исследований, но занимает важное место в публичных дискуссиях по болезненным и чувствительным социальным вопросам.

На протяжении длительного времени в латиноамериканском регионе процессы миграции развивались с различной степенью интенсивности. Их современное состояние, масштабы и направленность имеют мало общего с тем, что происходило полтора столетия назад и ранее. Однако существует плоскость, в которой сохраняется неизменная общность при всей ме-

---

Надежда Юрьевна Кудеярова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (n.kudeyarova@yandex.ru).

няющейся форме: это мотивация людей, их чувства, осознание происходящих перемен, проблемы адаптации и поиск новой формы идентичности. Вне зависимости от этапа развития миграционного процесса эта человеческая составляющая остается во многом неизменной.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МИГРАЦИЙ

Большинство исследований интенсивности миграционных потоков анализируют этот социальный феномен преимущественно с «объективистских» позиций. То есть миграции рассматриваются как некий социальный поток, который, прежде всего, нужно количественно оценить, чтобы оказывать на него государственное воздействие. При таком подходе он предстает как аморфная, безликая людская масса, как математическое множество случайных индивидов. Однако важно отметить, что эта «масса» состоит из конкретных живых людей и их судеб. И в этом ключе, если максимально упростить многогранный феномен миграции, его суть сведется к тому, что определенный индивид принимает решение об изменении всей своей судьбы, а не только места жительства и работы, и предпринимает усилия для того, чтобы это осуществить. Данное решение чаще всего объясняется желанием оказаться в лучших условиях по сравнению с теми, что есть. При значительном увеличении количества таких действий формируется миграционный поток.

К сожалению, человеческий, индивидуальный уровень этого массового явления чаще всего игнорируется. Для понимания значимых тенденций бывает вполне достаточно и обобщенных данных, предлагаемых демографическим, экономическим, географическим подходами. Они, бесспорно и даже однозначно имеют значительную практическую ценность, поскольку дают возможность понять масштаб явления, сопоставить его с другими социальными процессами, определить влияние на экономическое развитие. Однако есть и определенные ограничения. Прежде всего такой подход не позволяет судить о причинах миграции и о механизме ее развития в социальной среде. А игнорирование социально-психологической составляющей миграций может существенно исказить понимание природы и динамики этого явления.

Интересную почву для размышлений в этом направлении дает обзор теоретических подходов в исследованиях миграций, предложенный российским демографом Владимиром Алексеевичем Ионцевым. В статье «Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения» он приводит результат анализа многочисленной зарубежной и отечественной литературы. На его основе автор выделил 17 научных подходов к изучению миграции населения, включивших в себя 45 научных направлений¹. В классификации, предложенной В.А.Ионцевым, отражен обзор широчайшего спектра подходов к изучению данного социального феномена. В нее вошли как труды авторов, живших в XVII в., так и исследования последних лет.

В представленной классификации количественно преобладают экономический, демографический и социологический подходы. Их особенностью является то, что они рассматривают миграции преимущественно на

макроуровне, особое внимание уделяя вопросам рынка труда, различию уровня заработной платы, экспорту и импорту рабочей силы, демографическим процессам, влиянию половозрастной структуры и многим другим вопросам. Эти аспекты анализа чрезвычайно важны для понимания общей динамики процесса. Сам автор данной статьи неоднократно обращался именно к такого рода методам анализа и считает их весьма продуктивными.

Однако в рамках заявленной темы к феномену миграций хочется подойти именно с позиций социопсихологического подхода, чтобы выделить *проблему выбора*, который стоит перед конкретным человеком в момент временной и пространственной неопределенности (так лирично можно обозначить ситуацию, предшествующую началу миграции) и в последующем развитии траектории его жизни.

Идея психологического подхода зародилась еще в XIX в. И отразилась в работе французского политэконома Жюль Дюваля «История европейской, азиатской и африканской эмиграции в XIX веке». Как отмечал Ионцев, «в рамках данного подхода направления касаются разнообразных мотивов миграции, которыми руководствуются мигранты на всех стадиях миграционного процесса и изучение которых приобретает все большее значение. Так, все большее развитие получает точка зрения, в соответствии с которой миграция рассматривается как способ удовлетворения определенных потребностей индивида или группы, как поведенческий акт, в котором главное место отводится механизму принятия решений»².

Однако принятие решения о миграции может стать лишь первым шагом, за которым следует целый комплекс проблем и задач. Это дилемма адаптации — ассимиляция или интеграция, поиск идентичности и выработка собственной стратегии. Именно эти вопросы представляются наиболее важными в контексте данной работы. В исследовании вопроса с социально-психологической позиции интерес представляет работа «Мотивы эмиграции» российского социального психолога Анны Марковны Гуревич³. Мотивы эмиграции и психологические особенности принятия решения в ситуации репатриации были изучены ею в ходе комплексного обследования широкого круга людей, принимавших решение уехать в Израиль. При этом А.М.Гуревич отмечала, что «тема принятия решения об эмиграции практически не разработана ни в отечественной, ни в западной психологической литературе. Тема эмигранта как личности с ее надеждами, страданиями, разочарованиями, прошлым, настоящим и будущим наиболее полно отражена в художественных произведениях, но не в научных статьях»⁴.

Предложенный Гуревич подход интересен, но имеет естественное ограничение. В проведенном ею исследовании выбор решения об эмиграции рассматривается в контексте так называемой репатриации, связан с *алией*, или возвращением евреев на историческую родину. В этом случае особое значение приобретает проблема национальной самоидентификации. Так, «одним из необходимых факторов, непосредственно влияющих на принятие решения о репатриации, является четкое понимание своей национальной принадлежности, четкая этническая самоидентификация и самоопределение. Только обследуемые, считавшие себя евреями и связывающие себя с Израилем, принимали решение о репатриации. Тогда как обследуе-

мые, считавшие себя евреями, но не связывавшими себя с Израилем, это решение откладывали. Люди, решившие не репатриировать и остаться в России, причисляли себя и к евреям, и к русским, и верой своей считали и иудаизм, и христианство. Можно говорить об отсутствии у них четкой самоидентификации»⁵.

Таким образом, главным мотивом при этнической эмиграции, тем более связанной с репатриацией, становилась национальная самоидентификация. Традиционная, наиболее распространенная причина миграции — экономическая — отходила на второй план и даже становилась заложником принятого решения (поскольку в случае репатриации в Израиль экономический проигрыш часто был очевиден).

Одной из важнейших потребностей людей, принявших решение репатриировать, является стремление обеспечить будущее детей. Именно ради их блага предпринималась попытка изменить судьбу. У людей, не принявших или отвергающих это решение, на первом месте находились общение и друзья⁶. В этом аспекте — благо детей и семьи — репатрианты во многом соприкасаются с теми, кто решается на эмиграцию из-за желания найти безопасное место для своей семьи и более благоприятные условия жизни и работы.

Данный подход предлагает нам методологическую основу для рассмотрения мотива миграции и позволяет определить исследовательское поле. Один из базовых подходов к изучению миграции был продемонстрирован веком ранее в знаменитой работе представителей чикагской социологической школы Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁷. Книга У.Томаса и Ф.Знанецкого получила большой резонанс и стала классикой мировой социологии. Работа внесла большой вклад в развитие качественных методов анализа, в том числе основанных на исследовании автобиографий мигрантов. В методологическом смысле она позволила ввести понятия ценностей и установок в разряд социологических категорий. В работе «Польский крестьянин в Европе и Америке», — отмечали российские социологи Анна Олеговна Ганжа и Андрей Анатольевич Зотов, — ценности и установки приобретают значение социологических категорий и эмпирического инструментария»⁸. Интересно, что Ф.Знанецкий выдвинул «требование учета социологом так называемого человеческого коэффициента. Первоначально этот принцип рассматривался как онтологический, а затем как методологический, т.е. как требование принимать во внимание точку зрения индивидов, участвующих в социальной ситуации, их понимание ее, сопряженное с выделением значимого для них аспекта ситуации»⁹. Выявить проявления этого «человеческого коэффициента» можно только на основе эмпирических данных, которыми, по мнению Ф.Знанецкого, могут стать личные документы. Такими документами стали письма, биографии, дневники, воспоминания, что позволило принять во внимание субъективную точку зрения исследуемых, а также провести объективный анализ и интерпретацию полученных данных. Этот принцип лег в основу предложенного авторами книги биографического метода.

В дальнейшем метод Томаса и Знанецкого прочно вошел в число активно используемых в социологии, этнографии, антропологии и других социальных науках. В ходе исследования миграций данный подход позволяет

углубить понимание феномена, выйти за рамки экономической модели рабочей силы, статистической доминанты и др. По мнению испанских ученых, занимающихся социальной и культурной антропологией, Анхеля Архона Гарридо и Хуана Карлоса Чеки Ольмоса, «изучение истории жизни дает возможность персонифицированно подойти к общественной реальности, поскольку опирается на информацию «из первых рук». Это обогащает исследовательскую палитру, открывая скрывающиеся за стеной статистики реальные чувства людей — мысли, страхи, надежды, иллюзии или неудачи; достижения, радости, общественную мобильность и социальный рост, категории новой жизни... Это знание приходит из рук тех, кто все это пережил, несмотря на квоты, легальный и нелегальный статус, общую статистику и многое другое»¹⁰.

Такой подход актуален для рассмотрения вопросов, обозначенных в данной статье. Важно заострить внимание на аспекте, который зачастую проходит мимо исследователей. Это — вопрос личного выбора человека, дилемма адаптации и проблема трансформации его жизни. Личные высказывания людей о своих судьбах могут стать инструментом, позволяющим открыть новый пласт в понимании феномена миграции.

ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ МИГРАНТОВ В XX ВЕКЕ. ТРАЕКТОРИИ ЖИЗНИ

В ходе работы над темой миграции в Латинской Америке интересные исследовательские возможности предоставила книга «Не забывай меня. Истории жизни иммигрантов»¹¹, изданная в Аргентине. Она представляет собой уникальный документальный материал, основанный на расширенных интервью, взятых группой аргентинских исследователей в первом десятилетии XXI в. В книге собраны истории жизни мигрантов, обосновавшихся в провинции Кордова. Большая часть из них приехала в Аргентину в середине — третьей четверти XX столетия. Хотя на момент проведения интервью многие из них были уже в почтенном возрасте, ясная память, горящие живые глаза и оптимизм давали ученым возможность отразить уникальный жизненный опыт людей, прошедших через многие испытания и способных обобщить пережитые события. Именно такая длинная линия «кочевой» жизни, начавшаяся в середине XX в. и зафиксированная в начале текущего столетия, позволяет дать оценку многим процессам и явлениям.

Книга дала уникальную возможность проследить за судьбами, драмами и проблемами людей, сделавших выбор в пользу одной из крупнейших стран латиноамериканского региона. Соблюдение стандартной структуры беседы, с одной стороны, позволило сопоставить структурные блоки, относящиеся к описанию различных этапов жизни иммигрантов. А с другой — не стало сдерживающим фактором в том, что касается оценки происшедших событий и возможности обобщения пережитого. Приведенные в книге истории — так называемая «история в строчных буквах», судьба «незначительных персонажей»¹², жизнь которых не выносится на первые полосы газет, не относится к подвигам, не занимает внимание широкой публики, как судьбы политиков, спортсменов и актеров. Скорее наоборот,

это — изображение простой жизни, без известности и славы, и в этом особая ценность такого материала.

Читая опубликованные в книге интервью, можно соприкоснуться с судьбами конкретных людей, провести собственное небольшое исследование и отразить *человеческую, персональную* проекцию массового явления миграции. Анализ этих бесед не претендует на репрезентативность, а является попыткой выделить характерные особенности мотивации людей, механизмов адаптации к изменившейся культурной, лингвистической ситуации, к смене социального окружения. Для данной статьи были отобраны пять историй жизни мигрантов из разных стран Европы, которые представляются во многом типичными. Это — Андреа Рюльке, родившаяся в 1940 г. в Дрездене (Германия); Русика Циммер (1939) из г. Осижек (современная Хорватия); Пилар Суарес де Куэто (1914) из г. Таранес (Овьедо, Испания); Атило де Монте (1927) из г. Артенья (провинция Удине, альпийская Италия); Лусия Хосефина Мореси (1921) из г. Мендризио (кантон Тичино, Швейцария). Для удобства цитирования историй они будут обозначаться в тексте именем и ссылкой на номер страницы. Такая форма позволит персонафицировать высказывание и не перегрузит справочный аппарат.

В ходе интервью были затронуты темы детства, места рождения, уклада жизни семьи, детских игр, традиционных праздников. Важной составной частью интервью стали воспоминания о процессе миграции, опыте адаптации, отношениях с окружающими. Все это дало почву для размышления об отличительных чертах и судьбах людей, по своей воле и по стечению обстоятельств выбравших пунктом своего назначения крупнейшую страну Южного конуса — Аргентину.

Предваряя анализ, хотелось бы в общих чертах охарактеризовать специфику этапа миграционного процесса, в котором происходили основные события. Аргентина была страной, принявшей наибольшее число переселенцев из Европы: с 1860 по 1939 г. прибыли 3,6 млн человек, из которых 44% составили итальянцы и 31% — испанцы¹³. Это были люди самого разного происхождения и рода деятельности. После Второй мировой войны страна оставалась притягательной для европейцев, хотя в дальнейшем из-за политики в период военных диктатур и экономических проблем она ее утратила. Доля населения иностранного происхождения на протяжении XX в. сокращалась: согласно переписи 1914 г. она составляла 30%, в 1960 г. — уже 12,7%, а к 1991 г. снизилась до 4,9%¹⁴. Однако влияние культуры стран происхождения продолжало сказываться на траекториях жизни мигрантов и их детей, оставляя след в общей палитре истории страны. Говоря о послевоенном этапе миграции, мы отмечаем, что это была финальная часть значительного потока мигрантов из Европы. В сравнении с начальным периодом их выбор был объяснялся не только экономическими, но и политическими причинами.

В ПОИСКАХ БЕЗОПАСНОГО УБЕЖИЩА

Послевоенный период европейской миграции в страны Латинской Америки во многом определялся последствиями Второй мировой войны, хотя война являлась не единственным спусковым механизмом для эмиграции. В Европе первая половина XX в. была отмечена двумя кровопролитными

войнами, которые стали негативными дестабилизирующими факторами, по значимости превосходившими экономическую нестабильность и жизненную неустроенность. В предвоенные годы состояние европейских государств существенно отличалось от того, что мы наблюдаем в наше время. Страны юга Европы, прежде всего Италия, Испания, переживали серьезные внутренние проблемы, гражданскую войну, установление диктатур. В результате решение покинуть Европу во многом определялось скорее политическим фоном и категорическим нежеланием людей оказаться участниками новой кровопролитной войны.

Общий политический фон и возможная угроза жизни были основными факторами, вынуждавшим людей к активным действиям. Уроженка Испании Пилар Суарес отмечала: «Мой старший брат... уехал на Кубу, чтобы не участвовать в войне... Ушедшие на войну возвращались истерзанными или вообще не возвращались. Поэтому в те годы была такая эмиграция. В итоге мой брат всю свою жизнь провел на Кубе. Никто не спрашивал, хочешь покинуть страну или нет. Просто уезжали, было лучше отправить их туда, чем на войну» (Пилар Суарес, с. 161). В этих словах интервьюируемая обозначила значимую тенденцию первой четверти XX в., связанную с эмиграцией на Кубу. В период 1903—1933 гг. на остров уехали более 723 тыс. испанцев, при том, что в 1899 г. население Кубы составляло чуть больше 1,5 млн человек. Впоследствии на рубеже XX—XXI вв. эта волна оказала серьезное влияние на миграционную ситуацию современной Испании, когда возвратный поток испанских граждан стал одной из составных частей кубинской диаспоры и дал импульс массовому притоку мигрантов из других латиноамериканских стран.

Военное время полностью переворачивало социальные устои, для многих ценностью оставалась лишь собственная жизнь и жизнь близких людей. Изменение окружающей среды расширяло диапазон социально допустимых действий и негласных ограничений. К ним относилось взаимодействие с иммигрантами и отношение к ним, которое становилось элементом реальности. Так, даже в Германии, находившейся под властью тоталитарного режима, «...бывали совершенно реальные связи и смешанные браки между иммигрантами и местными жителями» (Андреа Рюльке, с. 30).

Война поднимала с мест целые семьи. «Начало войны осложнило жизнь всей семьи, поэтому решили покинуть Швейцарию. Времена были очень опасные, и отец беспокоился за семью. На поезде, шедшем по ночам, пересекли Францию и прибыли в Испанию, в Портбоу, затем в Виго, чтобы дождаться корабля» (Лусия Мореси, с. 267).

В послевоенной Европе ни одна страна не была безопасной. Ситуацию осложняло развивающееся противостояние политических систем. Уязвимость ощущалась даже в формально нейтральной Швейцарии, страх за жизнь детей во многом определял поведение людей. «Я никогда не планировал уезжать в Америку. Это было решение моей матери, которая больше не хотела оказаться на войне, потому что уже прошла через две. Однако, когда в 1948 г. я во второй раз уехал работать в Швейцарию, то больше уже не возвращался в родной город, потому что мама подготовила все документы для эмиграции в Аргентину. Если бы я вернулся в Италию, я должен был пойти на военную службу» (Атило де Монте, с. 204, 206).

Помимо формальных границ и официальных разрешений препятствующим фактором становилась и национальность мигрантов. Так, Русика Циммер, чей отец был этническим немцем, отмечала, что «после войны, когда пришел Тито, мы решили уехать из Хорватии. Но из-за фамилии отца сделать это легально не могли. Мы собрали караван из четырех-пяти повозок, загрузили их домашней утварью, всем, что можно было увезти, и начали бегство. Передвигались ночью, а днем стояли лагерем в лесу. Мы двигались в сторону Австрии, потому что это была ближайшая граница» (Русика Циммер, с 136). Прожив в Австрии четыре года на одной из ферм, переданных семье в концессию, семья вновь встала перед выбором дальнейшей судьбы. «Родители думали, что делать дальше: оставаться в Европе или нет, потому что все вокруг обсуждали возможность новой войны. В итоге они решили, что будет лучше уехать. Но куда? — В Америку. Для этого нужны были деньги. Мы переехали в лагерь для беженцев, потому что для тех, кто там находился, Международная организация по делам беженцев выхлопотала возможность проезда. В лагере нас попросили изменить имена с немецких на хорватские, иначе могли возникнуть проблемы. Так из Роземарии я стала Русикой, отец из Карла — Драгутином, мой брат — Владимиром. У мама и бабушки остались их имена — Марья и Магдалена. ... Была возможность отправиться в Чили, Венесуэлу или Аргентину. Обсуждали долго и выбрали Аргентину. Я полагаю, что из-за профессии отца, который был агрономом». (Русика Циммер, с. 142, 143).

Для решения покинуть привычное место и переехать на другой континент, не охваченный боевыми действиями, было вполне достаточно той напряженности, что витала в воздухе, в частности ожидания новой войны.

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ: ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ И НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Путешествие из Европы в Америку проходило на корабле. Для одних оно было наполнено духом авантюры и приключений, для других становилось испытанием и столкновением с трагедией. Многое зависело от стечения обстоятельств, и оно не всегда было благоприятным. Покидая беспокойную Европу, нельзя было гарантировать избавление от опасностей и спокойную жизнь. Зачастую то, с чем людям пришлось столкнуться на другой стороне Атлантики, оказывались хуже, чем то, что было дома. Случайное совпадение не зависящих друг от друга процессов могло навсегда перечеркнуть прошлое и поставить под удар надежду на будущее.

Уроженка Испании, покинувшая страну вместе с матерью и сестрой в 1930 г., вспоминала: «Когда корабль причалил в Рио-де-Жанейро, мы приготовились сойти, чтобы познакомиться с новым местом. Но в Бразилии в этот момент была революция, пришел Жетулиу Варгас. Вскоре мы услышали оружейные выстрелы, был отдан приказ, чтобы корабль не выходил из порта. Но он все-таки вышел, и нас стали обстреливать. Упала мачта и убила многих людей. Сестра спаслась, потому что стояла поодаль. Было 65 погибших, среди них и мать, я была ранена. Матери было всего 44 года» (Пилар Суарес, с. 165—166). Собираясь обосноваться в новой стране, семья взяла с собой все вырученные от продажи имущества деньги и драгоценности. После гибели матери, которая везла сбережения на себе, все ис-

чезло, и девочки остались без средств к существованию. «С этого момента в жизни поменялось все», — этими словами Пилар Суарес подвела итог этапа, разделившего ее жизни на две части.

В военные годы трансатлантический переезд мог превратиться в трагедию. «Наконец настал день отъезда на корабле, созданном для круизов на юг, в Ушуайю. Мы сели на корабль в 1942 году. Часть под кладовой была полна евреев, которые пытались убежать, это была трагедия. Одна женщина прыгнула в воду, покончив с собой. Спали на палубе, внутри невозможно было находиться из-за жары. Евреи пытались продать свои драгоценности. Отец ничего не хотел покупать, он говорил, что не хочет спекулировать на чужой нищете. Я его просила помочь им, сделать одолжение. Сейчас трудно представить, насколько безнадежным было их положение» (Лусия Мореси, с. 268). Помимо моральных испытаний само путешествие нередко было изматывающим. В зависимости от класса корабля и маршрута, оно могло длиться до полутора месяцев, если корабль останавливался во всех городах, которые он проходил.

Послевоенное время было уже более легким, острота дилеммы «жизнь или смерть» уходила в прошлое. Однако путешествие через океан не теряло своей авантюрной сущности. Подростковый возраст многих переселенцев сглаживал негатив и формировал в сознании приключенческую канву этого процесса. «В Генуе нас посадили на североамериканский корабль «Хольбрук», который ранее был госпиталем. В экипаже были негры, и я их увидела в первый раз в жизни. Помню также завтрак, который нам накрывался, очень американский — с соком и тостами. Помню общение с детьми, некоторые из них успели пожить в разных местах, они говорили даже на трех, четырех языках. Это произвело на меня впечатление» (Русика Циммер, с. 143). Описание перехода через Атлантический океан имеет скорее этнографическую ценность, оно создает ощущение атмосферы того времени.

ВКУС НОВОЙ ЖИЗНИ

Латиноамериканский берег встречал европейских мигрантов разнообразной палитрой впечатлений. Как ни парадоксально, наиболее сильными были именно обонятельно-тактильные ощущения. Жизнь в «Гостинице для иммигрантов», ожидание документов воспринимались как естественный этап процесса. Наиболее сильно и остро воспринимались жара и пищевые запахи — запах мяса и вкус мате.

После недоедания в Европе особенно поражала возможность есть мясо. «В гостинице для иммигрантов мы ночевали, но не ели. Выходили гулять по городу, и больше всего мое внимание привлекало количество еды, которая выбрасывалась из ресторанов, из домов. Вспоминаю, как в один из первых дней отец принес пакет, от которого исходил очень сильный вкусный запах. Это была колбаса! Все ее нюхали и говорили «мммммммм!» (Русика Циммер, с. 144). «Я никогда не ел столько жареного мяса. В Европе мясо очень дорого, и его едят, когда болеют, и больше никогда. Когда я впервые после приезда в Аргентину ел жареное мясо, от меня надо было спрятать еще и решетки, на которых его жарили, а то я бы съел и их!» (Атило де Монте, с. 208), «Отец мне сказал: «Сейчас ты будешь есть мясо! Аргентинское мясо!». Но кусок был настолько большой, что я не могла его съесть» (Лусия Мореси, с. 268).

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ МИГРАНТОВ

Социальные сети стали одним из важнейших инструментов адаптации мигрантов по прибытии в новую страну. Сейчас этот термин во многом воспринимается исключительно в контексте интернет-сообществ. Однако в нашем случае используется более широкое определение, принятое в социальной психологии на протяжении уже нескольких десятилетий. Социальная сеть понимается как «наборы связей, которые соединяют мигрантов, давних мигрантов и немигрантов в стране происхождения и принимающих странах через родственные связи, дружеские отношения и т.д. Сети составляют своеобразную форму социального капитала, с помощью которого люди снижают затраты и риски при миграции, а ожидаемые прибыли от миграции увеличиваются»¹⁵.

Выбор страны — цели эмиграции — во многом определялся уже имевшимися семейными связями. Они проявлялись самым различным образом. Это могли быть близкие родственники, ранее уехавшие в Аргентину, или же брак, приведший к переезду на родину одного из супругов. Такого рода элементы социальной сети мигрантов, построенных на родственных и дружеских отношениях, принято называть сильными связями (в отличие от деловых и товарищеских отношений — слабых связей)¹⁶.

В середине XX в. между государствами юга Европы и латиноамериканской страной уже были образованы прочные социальные сети, начало которым было положено еще в период первых волн миграции в XIX в. При всем разнообразии ситуаций фактор того, что сейчас назвали бы социальной сетью, играл решающую роль. «У матери были две сестры в Аргентине, они писали маме: «Почему ты не приедешь сюда? Здесь мы будем все вместе». Когда мы с сестрой окончили школу, мы были уже взрослыми девочками, по 15 и 16 лет, мама решила ехать. Продали магазинчик, оставили дом и, к несчастью, в 1930 г. ушли на корабле «Сар Аркона» (Пилар Суарес, с. 164).

Как уже отмечалось, семейные и земляческие связи очень помогали не только на первых порах, но и на протяжении всей жизни. Родственные связи помогали обосноваться, находить работу, а также устраивать личную жизнь. Наличие общих знакомых, отношения с которыми сложились еще до переезда в Южную Америку, помогало поддерживать контакты, находить друг друга на большом расстоянии, способствовали воссоединению семей. Это один из естественных механизмов адаптации мигрантов в новом обществе.

Удивительным выглядит то, что расстояние между Европой и Америкой, при отсутствии современных средств коммуникации, не являлось непреодолимым препятствием для поддержания связей между людьми. Даже если основным средством общения были письма, они помогали находить друг друга. Любопытная иллюстрация этого процесса приведена в романтической истории Пилар Суарес: «В Испании я познакомилась с юношей, братом одной моей подруги. Он приехал с Кубы, поэтому мы его звали «американец». Ходили гулять на праздники, на танцы, между нами возникла симпатия. Слава Богу, у него был адрес моей тети в Аргентине, и он приехал в городок Ла-Пара, где уже жили его братья. Когда он приехал, мы стали переписываться, потому что я жила в Буэнос-Айресе. И началось — письмо туда, письмо обратно, он приезжал каждый месяц в столицу. Три

года переписки. Мы стали женихом и невестой» (Пилар Суарес, с. 169). Этот фрагмент иллюстрирует не только эпизод в судьбе конкретного человека, но и показывает, как она складывалась в плотно сплетенной сети, состоявшей из родственников, живших по разные стороны океана, — в испанском Овьедо, на Кубе, в Аргентине — в Буэнос-Айресе и небольшом городке Ла-Пара.

На этом примере отчетливо видно, как люди, попадавшие в новую социально-культурную среду в латиноамериканской стране, использовали в первую очередь именно родственные узы в поиске поддержки для адаптации, в поиске работы и формировании круга контактов. Как отмечал российский психолог В.Н.Валитов, «социальные сети можно рассматривать как форму социального капитала, они позволяют лучше и быстрее адаптироваться к условиям нового общества. Сети мобилизуют скрытые социальные механизмы выбора стратегий поведения. Они упорядочивают пространство вокруг мигранта, делая принимающее общество более понятным и объяснимым»¹⁷.

Наличие связей зачастую становилось одним из факторов в выборе страны для эмиграции. «О самой Аргентине не знали ничего. Мы были невежественны, притом что мама (родившаяся в аргентинской Кордове. — *Н.К.*) никогда не рассказывала о своей родине. Мы приехали в эту страну, потому что мой дедушка давным-давно сделал здесь инвестиции. Это было в его первый приезд в Кордову, когда мой отец познакомился с мамой. И какой поворот судьбы — более чем через 20 лет мы все приехали в Буэнос-Айрес» (Лусия Мореси, с. 268, 269).

Нити, связывавшие различных людей, протягивались не только в географическом пространстве, но и во времени. Из приведенного фрагмента видно, что первая наметка на установление трансатлантической социальной нити была сделана за два поколения до описываемых событий. Она имела долгосрочную перспективу и основывалась на финансовых инвестициях. Ее существенно усилил брак с девушкой из семьи итальянских иммигрантов. И по прошествии двух десятилетий эта связь проявилась в виде иммиграции семьи на родину матери. Так, эта связь отразилась в жизни третьего поколения семьи. В дальнейшем родственные и земляческие сообщества формировали для многих людей значительную часть социального окружения и определяли сферу деятельности и социально-культурный контекст.

Поддержка родственников облегчала на первых порах поиск работы и жилья: семьи селились поблизости от родственников, знакомые сдавали знакомым жилье, приглашали в совместные трудовые проекты. «В Сальте начали работать с моим кузеном на фабрике, производящей цементные блоки. После этого мы уехали в местечко Альгарробаль, там был араб — владелец усадьбы, который решил строить новый дом. Мы там работали несколько месяцев, а потом вернулись в Сальту строить дом шурина моего кузена» (Атило де Монте, с. 210).

Важно отметить, что сводить все в ходе процесса адаптации к доминированию фактора родственных связей было бы неверно. По мнению российских социологов Ольги Евгеньевны Бредниковой и Олега Вячеславовича Паченкова, чрезмерно преувеличивать этнический фактор в социальных сетях мигрантов некорректно. Они взаимодействуют с теми, с кем проще,

чьи действия понятны и предсказуемы. И во многом именно экономическая деятельность становится основой формирования социальных сетей. При этом большое значение уделяется таким факторам, как легкость контакта, его рациональность, возможность доверия/контроля, непосредственный контакт в физическом пространстве и внешние границы, маркирующие давление извне. Все это имело для мигрантов большее значение, чем исключительно этнический фактор и размытая культурно-историческая общность¹⁸.

Существовали и другие эффективные механизмы поиска работы по специальности, где решающую роль играла именно профессиональная квалификация: «В гостиницу для иммигрантов приходили люди, которые искали работников определенной квалификации. Поскольку отец был агрономом, с ним поговорили два человека из Сан-Карлоса, городка в провинции Санта-Фе, и предложили ему работу в одной усадьбе» (Русика Циммер, с. 144). Тем не менее социальные сети оставались важным фактором, способным оказать поддержку в сложной ситуации, найти иные варианты заработка и стабилизировать социальную ситуацию в непростой период жизни семьи. Они мобилизовывали скрытые социальные механизмы выбора стратегий поведения, а укрепление сетей происходит через включение новых людей, превращая слабые связи (деловые отношения и товарищество) в сильные (родственные и дружеские)¹⁹.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Приезд и обустройство в стране — это лишь видимая сторона процесса. Однако оставалась важная проблема: как самому относиться к происходящим с тобой изменениями? Быть чужеродным элементом в иной культуре или оставлять собственную культурную и языковую идентичность, приобретая новую? Здесь не было общего решения, каждый выбирал свой путь, обусловленный как целями переезда, так и возрастом, семейным положением и многими другими факторами. Однако вне зависимости от выбранного пути решать этот вопрос приходилось всем.

Одним из первых «культурных столкновений» была необходимость говорить на испанском языке. Для испанцев этот этап проходил безболезненно, для итальянцев «испанский язык был несложен», а для других он становился важным шагом адаптации и трансформации идентичности. Однако это не означало, что испанцы не испытывали сложностей с адаптацией в новой стране. Зачастую, приезжая в новую страну, мигранты, не говорящие на языке, изначально предполагают существование культурных различий. В то время как иностранцы, говорящие на том же языке, могут попасть в социально-культурную «ловушку», безосновательно предположив, что окажутся среди «своих»²⁰.

Языковая проблема для многих является одной из болезненных. Это касалось не только общения с внешним окружением, но языка, на котором разговаривали в семье. Так, швейцарка Лусия Мореси, для которой родным языком был итальянский, вышедшая в Аргентине замуж за этнического итальянца, отмечала: «На меня очень давило то, что муж не хотел говорить по-итальянски. Всегда по-испански. В доме никогда не говорили на другом языке. Это для меня был очень болезненный фактор, хотя я всегда с

уважением относилась к его идеям» (Лусия Мореси, с. 273). Приехавшая в Аргентину немка Андреа Рюльке так описывала свой первый языковой опыт: «Я абсолютно не говорила по-испански, но с моей золовкой мы улыбались друг другу. ... Впоследствии моя дочь Сьюзи хорошо выучила немецкий. Она хорошо говорила, но практически не умела писать, почти, как неграмотная, бедняжка. Как я сама здесь с испанским». Владение испанским существенно расширяло круг общения и социальные связи, выходящие за рамки родственно-этнических, а также включенность в жизнь общества. Освоение языка означало постепенное растворение своей национальной идентичности.

Важным аспектом также были матримониальные отношения. В среде иммигрантов было принято, что «итальянцы предпочитали жениться на итальянках или испанках» (Атило де Монте). Однако было много случаев, являвшихся исключением из этого условного правила. Так, сам автор этого высказывания «не испытывал проблем, женившись на женщине другой национальности, — боливийке, жившей с семьей в Аргентине с 12-летнего возраста. «Мы создали более интернациональную семью, чем была изначально — она боливийка, я итальянец, а наши дети — аргентинцы!» (Атило де Монте, с. 211).

Вопрос создания новой семьи означал дилемму: укорениться в новой стране или расценивать факт пребывания в ней как временное явление. И этот вопрос действительно был совсем не простым. Он был значительно глубже, чем владение новым языком, устройство на работу, поддержание активных дружеских связей с соседями, т.е. визуальных форм социальной включенности. Для многих именно факт создания семьи означал переломную точку прикрепления к новой земле. Отношение к матримониальным планам становилось одним из индикаторов стратегии адаптации людей.

Понимание собственной идентичности приходило со временем. Жизненный опыт позволял сформулировать пройденный путь в поиске самоидентичности. «1 декабря на площади обычно отмечают день Швейцарии. Я выходила на площадь, пела гимн и возвращалась домой. Но эта тема была очень болезненной для моего мужа. Он всегда мне говорил: «Нужно растить детей аргентинцами», и я с ним согласна. ... Мои девочки — аргентинки, и это меня очень радует. Потому что я знакома со швейцарцами, которые только и рассказывали своим детям про свою страну, и сегодня эти дети как неприкаянные. Я же стерла Швейцарию решительно» (Лусия Мореси, с. 279). Такой путь ассимиляции — один из возможных вариантов, который не всегда приносит внутреннее спокойствие и удовлетворение, однако позволяет вписаться в принимающее общество. Но опыт представленных историй можно обобщить словами Русики Циммер, отметившей, что «иммиграция означает потерю корней: у тебя нет ничего ясного — откуда приходишь, к чему принадлежишь. Вырывание с корнем приводит к тому, что ты не чувствуешь реальную связь с местом, в котором ты находишься... до тех пор, пока сам не построишь что-то свое, личное. И сейчас я чувствую, что у меня есть такое место»²¹.

Приведенные истории конкретных людей, переломных моментов их жизни могут дать более полную палитру эмоций, испытываемых в процессе миграции. Данное исследование не претендует на всеохватность, его

экзистенциальный посыл — показать, что даже в массовом потоке не существует «типичного эмигранта», хотя есть много индивидов, покинувших свою страну в поиске новой жизни, обладающих сходными характеристиками. У каждого человека есть собственная история миграционной жизни, которая делает его исключительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.А.Ионцев. Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения. — Миграция в России. 2000—2012. Хрестоматия в 3-х томах, т. 1, ч. 3. М., 2013, с. 63.

² Там же, с. 75.

³ А.М.Гуревич. Мотивация эмиграции. СПб., 2005.

⁴ Там же, с. 25.

⁵ Там же, с. 111.

⁶ Там же.

⁷ W.Thomas, F.Znaniecki. The Polish Peasant in Europe and America. New York, 1927; <https://archive.org/details/polishpeasantine01thom>

⁸ А.О.Ганжа, А.А.Зотов. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого — Социологические исследования. М., 2002, № 3, с. 116.

⁹ Современная западная социология. Словарь. М., 1990, с. 106.

¹⁰ A.Arjona Garrido, J.C.Checa Olmos. Las historias de vida como método de acercamiento a la realidad social. — *Gazeta de Antropología*, 1998, 14, artículo 10. — <http://hdl.handle.net/10481/7548>

¹¹ Ya.Durán, G.Pedraza, N.Cabrera. No me olvides. Historias de vidas inmigrantes. Volumen II. Córdoba, 2011, 292 p.

¹² A.Arjona Garrido, J.C.Checa Olmos. Op. cit.

¹³ Т.С.Гаврилова. Динамика и перспективы роста населения стран Латинской Америки. — Латинская Америка: «демографический взрыв»? М., 1971, с. 47.

¹⁴ Ya.Durán, G.Pedraza, N.Cabrera. Op. cit., p. 15.

¹⁵ Т.Н.Юдина. Социология миграции. Учебное пособие для вузов. М., 2006, с. 128—129.

¹⁶ В.Н.Валитов. Социальные сети беженцев и лиц, ищущих убежище, из Афганистана и Ирака. — Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М., 2001, с. 175.

¹⁷ Там же, с. 190.

¹⁸ О.Бредникова, О.Паченков. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов. — Этничность и экономика. Сборник статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9—12 сентября 1999). СПб., 2000. Труды. Вып. 8, с. 47—54.

¹⁹ В.Н.Валитов. Указ. соч., с. 190.

²⁰ Подробнее об этом эффекте см.: Г.У.Солдатова, Л.А.Шайгерова. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов. — Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М., 2001.

²¹ Ya.Durán, G.Pedraza, N.Cabrera. Op. cit., p. 154.